

© 2001 г., ЭО, № 6

Э.Л. Н и т о б у р г

РУССКИЕ В АМЕРИКЕ – ИНТЕГРАЦИЯ ИЛИ АССИМИЛЯЦИЯ?

Сложившаяся в США в XX в. сравнительно небольшая русская диаспора – результат трех волн (до 1914 г.; в 1918–1923 гг.; в 1948–1950-е годы) массовой иммиграции туда русских. Как известно, предки американцев – иммигранты из многих стран, их дети, внуки и правнуки, образовавшие в процессе протекавшего более десятка поколений физического и культурного смешения то, что ныне называют американским народом. Именно эту мысль выразил, назвав свою книгу о нем и Соединенных Штатах «Нацией иммигрантов», президент Джон Ф. Кеннеди. Сам же процесс ассимиляции, т.е. превращения иммигранта и его потомков в американцев, занимал обычно период жизни нескольких поколений.

Широко употребляемый термин *ассимиляция* в общей форме означает *уподобление*, однако в различных областях знаний и науках его содержание различно, и даже, когда речь идет непосредственно об этнических процессах, разные авторы вносят в его содержание свои нюансы. Так, этнограф-иммигрантовед Ш.А. Богина, подчеркивая отставание этнических процессов от экономических, полагала, что различные виды культурной ассимиляции развиваются на основе структурной, т.е. социальной и экономической ассимиляции¹. Этнопсихолог Н.М. Лебедева, отметив, что «термин – ассимиляция используется для описания "поглощений" одной культуры другой», поясняет затем, что «это происходит, когда этнокультурная группа постепенно адаптируется (или вынуждается к адаптации) к обычаям, ценностям, жизненным стилям и часто языку доминирующей культуры»². Наконец, известный этнолог и историк В.А. Тишков под культурной ассимиляцией (ее иногда называют «аккультурацией») подразумевает частичную либо полную утрату индивидами или группой своей культуры в пользу доминирующей культуры окружающего общества. Причем эта ассимиляция может как происходить стихийно и носить добровольный характер, так и осуществляться государством путем прямого насилия или косвенными методами. Если в результате культурной ассимиляции происходит смена идентичности, т.е. этнического самосознания, данной группы, то можно говорить об ее этнической ассимиляции³.

Таким образом, ассимиляция этнокультурной иммигрантской группы – длительный, многоступенчатый социальный и культурный процесс. Адаптация и интеграция этой группы с окружающим и доминирующим «большим» обществом и инкорпорация в него являются теми необходимыми этапами, когда собственно и происходит включение иммигрантов и их потомков как в структуру, так и в культуру «большого» общества и постепенное усвоение ее, т.е. не только структурная, но и культурная ассимиляция их. Тем не менее и после усвоения этой культуры их прежнее этническое самосознание, связанное с памятью о родине предков, еще долгое время может сосуществовать с новым – американским. К тому же говорить о смене потомками иммигрантов своей идентичности, т.е. о полной этнической ассимиляции, можно лишь при адекватном восприятии их окружающим американским обществом.

Темпы многоступенчатого ассимиляционного процесса, занимающего жизнь нескольких поколений, зависят от многих факторов. Он может быть ускорен или замедлен, однако остановить его невозможно. Первое, что испытывает оказавшийся в чужой

стране и чужом обществе иммигрант, вырванный из среды, в которой вырос и жил, из системы привычных норм и ценностей, – это особое, более или менее выраженное психическое потрясение, ощущение выпадения из привычного мира и невключенности в новый – своего рода синдром отчуждения. Такое столкновение с конфликтом традиций двух разных культур – своей и чужой – обычно принято называть «культурным шоком». Сила и интенсивность подобного психологического барьера зависят прежде всего от причин и характера массовой эмиграции из страны исхода, от обусловленной этими обстоятельствами психологической подготовки и целевых установок иммигрантов, от отношения к ним властей и общественности страны-реципиента и даже от международной ситуации.

Например, русские первой, дореволюционной волны иммигрантов в большинстве своем уезжали в США добровольно, сознательно, психологически подготовившись, с целью либо, подзаработав там денег, вернуться на родину, либо остаться и начать в Америке новую жизнь. Отношение к русским иммигрантам в США тогда было далеко не самое благоприятное. Переселение же второй волны русских в США, в основном в 1918–1923 гг., являлось частью вызванного экстремальными политическими обстоятельствами беженского движения. Эти иммигранты покидали Россию вопреки своему желанию, хотя и в надежде на возвращение после «скорого падения большевистского режима». Отношение к ним со стороны американских властей и большей части американской общественности было дружелюбным. Прибытие после второй мировой войны в Америку русских так называемых перемещенных лиц, или «ди пи», и других «беженцев от коммунизма» третьей волны русской иммиграции (правда, в какой-то мере уже подготовленных к ней, но без ясных перспектив в новой жизни) также являлось частью массового политического беженского движения, хотя и организованного властями США и ООН. Однако американская общественность воспринимала новых русских переселенцев далеко не однозначно. Естественно, что все эти обстоятельства не могли не сказаться на темпах, характере и специфике адаптации тех или иных конкретных групп русских каждой из трех волн и их массовой интеграции с американским обществом.

Адаптацией я бы назвал начальный этап интеграции – процесса «социокультурного приспособления» и вхождения иммигрантской группы в общество принявшей ее страны. Формы и длительность этого процесса зависят от установочной ориентации социальной группы, которая могла быть направлена либо в сторону межкультурной, или межэтнической интеграции и стремления к ассимиляции, либо в сторону этнокультурной изоляции. В соответствии с этим в качестве индивидуумов русские иммигранты (и их потомки) реагировали на новую для них культуру тремя способами: стремились воспринять американскую культуру и ассимилироваться; отвергая американскую культуру, старались сохранить свою исходную культуру; предпочитали, совмещая обе культуры – русскую и американскую, стать бикультурными русскими американцами.

Так, молокане (особенно «прыгуны») и другие русские сектантские общины, а также староверы с самого начала ориентировались на самосегрегацию, а по возможности и самоизоляцию своих закрытых общин в Америке. Путем обособления пытались в какой-то мере сохранить свою исходную культуру и некоторые русские городские православные общины, основанные иммигрантами-крестьянами в начале XX в. В то же время значительная часть крестьян-отходников, приехавших в США ради заработка на время и твердо ориентированных на реэмиграцию, т.е. возвращение домой в Россию (а в 1908–1914 гг. они составили 35% всех русских иммигрантов в США тех лет), вообще не стремилась к интеграции с американским обществом⁴. Проведенное в 1909 г. Иммиграционной комиссией обследование около 1,5 тыс. рабочих показало, что среди русских рабочих натурализовались либо подали заявление о натурализации только 28%. Остальные 72% и не пытались делать это⁵. Тем не менее даже относительно недолгое проживание и работа в Америке оказывали свое влияние на таких крестьян. Вот как писал об этом в 1913 г. автор статьи в «Агрономическом журнале»: «"Американец" (так называли в деревнях этих отходников. – Э.Н.), проработав года

два на сталелитейном заводе или в шахте, вернувшись домой, всегда некоторое время отдыхает... Однако после уплаты связанных с поездкой долгов, хотя улучшенное положение в его дворе есть..., всегда идет на улучшение жизненной обстановки – строится новая хата, ремонтируются хозяйственные постройки и инвентарь, обновляется и дополняется одежда... Некоторое влияние Америка оказывает и на интеллектуальную жизнь. Почти все "американцы" выделяются из общей массы крестьян своей вежливостью – мне не приходилось слышать от них ни одного грубого слова и в то же время у них чувствуется сознание собственного достоинства. Видимо, Америка с ее нивелировкой граждан произвела свое уравнивающее действие»⁶. Автор другой журнальной статьи, прожив в США несколько лет, вспоминал: «Американская обстановка приучила к труду, приучила пользоваться машинами, выработала настойчивость и выдержку. Эти свойства, очевидно, пригодятся»⁷.

Не стремилась к интеграции в американское общество в первое десятилетие своего пребывания в США и значительная часть беженцев от «большевистской революции», причём не только представителей бывшей правительственной бюрократии, титулованной и военной элиты, но и из других иммигрантских слоев. Уповая то на временные успехи Деникина, Колчака и Врангеля, то на Кронштадтский мятеж, то на саботаж «спецов» и политику непризнания СССР странами Европы и США, они жили надеждами на неизбежный крах большевиков и скорое возвращение в Россию. Уверенность в этом послужила причиной жизни «на чемоданах» в первые годы их пребывания в Америке, с тем чтобы в любой момент быть готовыми вернуться «домой». С этим же был связан упорный отказ многих из них от натурализации, т.е. принятия американского гражданства, и усилия не допустить «денационализации» своих детей. Некоторые из этих людей тогда вообще считали переход в американское гражданство позорным, предательством своей «русскости» и России. Во всяком случае, в 1927 г. так называемые первые документы для последующего оформления натурализации подали только 20,6% русских беженцев⁸.

Понадобились потрясения, связанные с «великой депрессией», и годы горьких разочарований, прежде чем рассеялись прежние иллюзии и надежды. Но за это время были включены всевозможные механизмы противодействия ассимиляции, в том числе самый испытанный уже на практике в Америке до революции – русская православная церковь с ее сетью приходских школ для детей, братствами, клубами и религиозной прессой для взрослых в качестве основного средства этнического сплочения, сохранения и передачи этнических традиций. Этой же задаче этнической консолидации были призваны служить и профессиональные, культурно-просветительные, благотворительные, гражданские, молодежные и даже политические организации этнического и этноцентристского характера. Кстати, несколько десятков русских иммигрантов второй волны, живших и умерших в США (в том числе прибывший туда в 1923 г. и не желавший «уронить честь офицера» полковник императорской гвардии П.П. Зубов, ставший затем профессором Колумбийского университета, или оказавшиеся там позднее А.Ф. Керенский, социалисты Б.И. Николаевский, В.М. Зензинов и др.) американское гражданство так и не захотели принять⁹.

Тем не менее с годами контакты беженцев с окружающим населением и его культурой расширились, их дети учились в муниципальных школах, росли и становились двуязычными и бiculturalными, т.е. носителями обеих культур. По мере привыкания иммигрантов к новой среде, а также бытовой и культурной адаптации ощущение «жизни на чемоданах» в ожидании возвращения притуплялось. Вместе с тем постоянное чувство неопределенности по поводу своего будущего тормозило их социокультурную адаптацию, придавая ей на долгие годы характер прагматического приспособления ради выживания. Графиня Маргарита Кассини (жена посла России в США в самом начале XX в.), оказавшаяся в 1930-е годы в США, так описывала жизнь ее мужа в Вашингтоне: «Саша обожает Америку, ее мороженое, ее комфорт, все; но он еще живет и говорит по-русски. В "Амбассадоре" он ежедневно встречается с маленькой русской компанией, и это его мир. Там он может говорить о прошлом, об ошибках

царя, грандиозности всей страны, о мундирах, декорациях, изменениях в правительстве и жизни в прошлом, всегда в прошлом»¹⁰. Но какой-то части русских второй волны, не обладавших банковскими счетами и не сумевших обрести стабильную нишу в структуре американского общества, все еще приходилось зарабатывать на жизнь в качестве статистов в Голливуде, работников сферы обслуживания и т.д.

В сложившейся ситуации наиболее образованная и активная часть «белых эмигрантов» стала осознавать, что скорое возвращение явно откладывается, и ее задачей является не только выживание и сохранение своих культурных традиций и ценностей, но и продолжение прогресса родной культуры в зарубежье. Эту идею поэт В. Ходасевич выразил так: «Для того, чтобы быть политическим эмигрантом, мало просто покинуть родину... Без возвышенного сознания своей миссии, своего посланничества – нет эмиграции, есть толпа беженцев, ищущих родины там, где лучше»¹¹. Этой цели были призваны служить и созданные в США иммигрантами второй волны их этнические институты. И хотя какая-то, очень небольшая часть «белых» иммигрантов, не допускаящих и мысли об ассимиляции своих детей в США, так никогда и не приняла американское гражданство, остальные, постепенно овладев английским языком и натурализовавшись, сами стали бикультурными индивидами. Действующие в американском обществе мощные ассимилирующие силы: язык, школа и университеты, СМИ и вся массовая культура, политическая система, смешанные браки и т.д. делали свое дело – русские беженцы начали превращаться в русских американцев, а их выросшие дети во второй мировой войне сражались за Америку. К этому времени некоторые более дальновидные из осевших в США деятелей «белой эмиграции» уже понимали неизбежность полной культурной ассимиляции потомков русских иммигрантов в Америке. Во всяком случае об этом ясно свидетельствует письмо (от 14 апреля 1938 г.) проживавшего там с 1923 г. князя Григория Гагарина главе архиепископского синода Русской православной церкви за границей в Сремских Карловцах (Югославия) митрополиту Анастасию. Характеризуя ситуацию, сложившуюся среди русских иммигрантов и их потомков в США, Гагарин писал, что «здешний русский народ... это не беженцы, а уже в значительной мере коренное население, имеющее все права американских граждан... Молодое поколение, прошедшее американские школы и влившееся в здешнюю жизнь, естественно, лучше говорит по-английски, чем по-русски... Они внешне больше похожи на американцев, чем на русских. Факт этот, вызванный самой жизнью, конечно, совершенно неизбежен и бороться с ним безнадежно, а потому и бесцельно»¹².

Исход русских третьей, как и второй, волны был не добровольным, а вынужденным разрывом с родиной, поэтому обычно и тех, и других называют беженцами, т.е. эмигрантами не «куда», а «откуда». Однако перемещенные лица прибыли в США с совершенно иными, нежели «белые» эмигранты, психологическими установками по поводу целей, сроков и характера проживания в Америке. Они отнюдь не собирались возвращаться на родину, а приехали на постоянное жительство в надежде построить здесь заново свою жизнь и сделать карьеру. Не особенно заботясь о сохранении связей с Россией, они в большинстве своем старались побыстрее овладеть английским языком, натурализоваться и американизироваться. Да и детей своих многие из них хотели бы видеть гражданами новой родины. К тому же американские власти, занимавшиеся размещением «ди пи», расселяли их по разным штатам, средним и малым городам, стремясь не допускать создания ими крупных этнических общин. Это способствовало расширению повседневных контактов новых русских иммигрантов с окружающим населением, ускорению их адаптации и структурной интеграции с американским обществом, а тем самым в конечном счете и ускорению процесса этнокультурной ассимиляции их потомков.

Другой важный фактор, влияющий на специфику адаптации, структурной интеграции и ассимиляции иммигрантов и их потомков, – отношение к тем или иным иммигрантским группам со стороны правящих кругов и властей, различных слоев населения и общественного мнения страны-реципиента. Это отношение может меняться в зависи-

мости как от изменения ситуации в самой принимающей стране, в стране исхода или в мире, так и от этнокультурного облика и классового состава (социального престижа) данной иммигрантской группы. В частности, вплоть до начала XX в. отношение правящих кругов США к Российской империи и иммигрантам оттуда было в целом доброжелательным. И вообще ограничения на въезд в США иммигрантов из стран Европы были тогда минимальными. Лишь после принятия иммиграционных законов 1903 г. и 1907 г. и создания Конгрессом США специальной комиссии для изучения всех аспектов иммиграции переселенцы славянского происхождения (наряду с евреями и прибалтами) по степени их способности к ассимиляции были отнесены к последней – четвертой категории иммигрантов. Как свидетельствовал в лекции, прочитанной 1 марта 1907 г. в московском Политехническом музее побывавший в США народный учитель из Иркутска И.П. Сысоев, «американцы расположены к русским более, чем какой-либо другой народ... Американцы послали в 1891 году кажется 400 тысяч пудов хлеба для раздачи голодающему населению России. В 1907 г. пожертвовали 300 тысяч рублей на борьбу с голодом... Американцы чтят память императора Александра II и сравнивают судьбу его с судьбой президента Линкольна, который был также убит»¹³.

На самом деле к этому времени и тем более после конфликта между США и Россией по так называемому паспортному вопросу и денонсации русско-американского договора о торговле и мореплавании (1911–1913 гг.)¹⁴ отношение американской общественности и властей, особенно иммиграционных, к русским иммигрантам стало меняться к худшему. Как известно, американцы, в большинстве своем воспитанные в протестантских традициях, рассматривали деньги как мерило успеха, добродетели и божественной избранности, а нищету и бедность как нечто унизительное, недостойное и просто позорное для белого человека. И когда после 1907 г. резко возросла численность крестьян, приехавших на заработки в США из голодавших губерний России, в Америке стал складываться соответствующий стереотип неграмотного или малограмотного, неквалифицированного и полуняченого русского иммигранта. Гораздо больший поток таких крестьян – бедняков и «отходников», хлынувший за океан в результате неурожая и голода в северо-западном районе России в годы, непосредственно предшествовавшие первой мировой войне, лишь укрепил в стандартном воображении среднего американца тех лет стереотип «типичного русского» иммигранта в «овчинном тулупе», ассоциируемый прежде всего с низким образовательным и материальным уровнем, малой культурой и грязной физической работой. Характерен в этой связи эпизод, рассказанный бывшим депутатом Государственной думы, а в 1917 г. членом возглавляемой Б.А. Бахметьевым Чрезвычайной миссии Временного правительства в США проф. Н.А. Бородиным (позже эмигрировавшим в Европу): «Мы явились туда представителями нового демократического правительства и вашингтонские сферы и особенно общество решили, что мы должны принадлежать к малокультурным слоям русского народа, отличающимся, по их представлениям, своеобразными привычками одеваться и себя вести, привычками, с которыми плохо мирится культурный европеец или американец. На этой почве случился полуанекдот, заключающийся в том, что некоторые владельцы апартаментов в Вашингтоне, куда нас, в виде особого почета, решили поместить, отказывались от этой чести из боязни некультурных и, вероятно, малочистоплотных гостей. Если верить рассказам, то только пять домовладелец из опрошенных счел возможным предоставить свой дом русским гостям... Как нам признавались впоследствии некоторые из американских леди, удостоившие нас приемом в своих домах, они все благоприятно поражены как нашим коммодорным видом (они ожидали косовороток и кафтанов, а тут фрак и пр.), так особенно тем, что мы почти все объясняем на их языке»¹⁵. Другой член этой же миссии Е.И. Омельченко, констатируя «неудовлетворенность русской колонии (в США. – Э.Н.) своим настоящим и разнообразные ее попытки устроить лучшее будущее», публично признал, что «русские выходцы чувствуют себя как бы чуждым элементом в новой стране и в этой отчужденности нужно видеть основную причину беспомощности колонии»¹⁶.

В период первой мировой войны федеральные власти, исходя из убеждения в том, что американская культура является более высокой и совершенной, нежели культура уроженцев стран Восточной Европы, для ускорения ассимиляции выходцев оттуда развернули кампанию их «американизации». С этой целью повсюду принимались меры для обучения иммигрантов английскому языку и поощрения принятия ими американского гражданства. Проводилась эта кампания чуть ли не в принудительном порядке и нередко при полном игнорировании культурного наследия иммигрантов. После пика ее во время так называемого красного психоза (1919–1921 гг.), когда официальная установка требовала, чтобы каждый гражданин был «стопроцентным американцем», сам характер такого подхода и вся эта кампания были подвергнуты жесткой критике и переоценке¹⁷.

Основные иммиграционные законы, принятые Конгрессом в 1921 г. и особенно в 1924 г., ввели для въезда иммигрантов из «России» откровенно дискриминационные квоты. Тем не менее отношение американских властей и истеблишмента к «белым» русским второй волны было, как известно, благосклонным.

В 1915 г. президент Вудро Вильсон, обращаясь к иммигрантам, внушал им, что человек, причисляющий себя в Америке к особой национальной группе, еще не стал американцем, ибо Америка не состоит из групп. Однако в том же году в статье, а в 1924 г. уже в своей книге американский философ Хорес Каллен выдвинул концепцию (и ввел термин) «культурного плюрализма», согласно которой здоровое общество может состоять из различных по своему этническому происхождению групп, гордящихся своим культурным наследием¹⁸. А в 1930-е годы эта концепция нашла свое воплощение во внутренней политике администрации Франклина Рузвельта. Хотя укоренившиеся в сознании американцев предрассудки по отношению к иностранцам все еще существовали, менявшаяся в стране политическая атмосфера способствовала большей терпимости, по крайней мере к белым меньшинствам.

По словам историка Р. Уэйса, «растуцая сила этников и рост антифашистских настроений в стране породили новый комплекс культурных императивов. Различность стала законной, даже желательной... Меньшинства в дополнение к правам юридическим получили культурные права». В 1936–1939 гг. на экранах кинотеатров США под девизом «Америка иммигрантов» демонстрировалась серия соответствующих художественных фильмов, а также осуществлялась поддержанная Ф. Рузвельтом программа, состоявшая из 26 драматических радиопередач о вкладе различных этнических групп в экономическое, социальное и политическое развитие Америки¹⁹. Сложилась система социальной работы среди иммигрантов и повышения их образовательного и профессионального уровня²⁰.

Русские иммигранты-беженцы в эти годы пользовались в США более надежным юридическим статусом, чем во Франции и ряде других стран Европы. Официальные ограничения для них здесь были менее жесткими, иммигрантов не обязывали ни регистрироваться в полиции, ни носить с собой удостоверения личности. Их поощряли принять гражданство, что приветствовалось тут больше, чем во Франции²¹. Все это, как и гораздо большая удаленность от России, чем находившихся на территории Франции, психологически облегчало русским второй волны в США дистанцирование от родины и интеграцию с американским окружением.

О том, как менялись после второй мировой войны и в годы «холодной войны» американское иммиграционное законодательство, а также отношение американцев к третьей волне, т.е. к организованной Вашингтоном и ООН переброске в США русских и других советских перемещенных лиц, нами рассказано в ряде специальных статей²². Современная исследовательница из Калифорнийского университета в Чико Сьюзен У. Хэрдуик, явно игнорируя историю перемен в общественном мнении в США по отношению к «русским», в опубликованной ею в 1993 г. книге о русских беженцах утверждает по этому поводу, что вплоть «до 80-х годов СССР рассматривался как главный враг американского народа. Поэтому русские иммигранты, прибывшие в прошлые десятилетия, вынуждены были пожирать плоды этого негативного восприятия.

Многие видели в коммунистах врагов американского правительства или шпионов... Почти век русские оставались для американцев любимым объектом ненависти»²³.

О том же, как воспринималась ситуация, в которой оказались многие русские третьей волны в первые годы своего пребывания в Америке, ими самими, свидетельствуют рукописные воспоминания проживавшего там с 1952 г. «ди пи» Александра Борисова: «Люди смотрят на тебя: кто испуганно, снизу – это попрошайки; кто, как на незваного гостя, исподлобья; кто свысока, стоя на долларовом постаменте, а кто – холодно и отчужденно, как на существо достойное только звания раба. Предъявлять доказательства своего человеческого достоинства иногда противно...»²⁴.

В немалой мере специфика развития ассимиляционного процесса на всех его этапах зависит от характера расселения иммигрантских групп. Обычно русские иммигранты либо стремились к объединению в свои общины, либо селились рядом с земляками, создавая, таким образом, собственную «среду обитания» со своими защитными этническими институтами. Важную объединяющую роль в этом процессе играла, как правило, православная церковь. Характер расселения варьировал в зависимости от социальной структуры той или иной иммигрантской группы. Большинство русских всех трех иммиграционных волн расселились в штатах Северо-Востока, Северного центра и Тихоокеанского побережья. Крупные русские общины возникли в Нью-Йорке, Бостоне, Филадельфии, Питтсбурге, Кливленде, Детройте, Чикаго, Лос-Анджелесе, Сан-Франциско, небольшие общины осели в средних и малых городах и промышленных поселках этих штатов. В них же в основном появилась в первой половине XX в. большая часть русских сельских колоний и общин.

Урбанизация и концентрация в крупных и средних городах со множеством СМИ, социокультурных институтов и этнически разнородным населением способствовали более частым контактам русских с этим населением, ускоряя их адаптацию и американизацию. Более замедленными темпами адаптация происходила в полузакнутых городских и сельских общинах, и еще медленнее были темпы ее в самосегрегируемых общинах староверов, а также молокан, духоборов, субботников и других этноконфессиональных групп²⁵. В то же время уход из общины и вообще отделение от своей этнокультурной группы, как правило, ускоряли процесс адаптации и социокультурной интеграции иммигранта, способствуя «растворению» в новой среде и ассимиляции его потомков. Во второй половине XX в. усилению этой же тенденции способствовали территориальные деконцентрация и рассеяние в результате переселения части иммигрантов и особенно второго поколения русских из крупных и средних городов в их пригороды и города-спутники, а также расселения властями иммигрантов третьей волны – перемещенных лиц – почти по всем регионам страны.

Адаптация иммигрантов обычно начиналась в процессе повседневного, в том числе бытового общения их с американцами, и чем более частым оно было, тем успешнее и быстрее шла адаптация. Формы ее могли быть самыми различными, но всегда связанными с освоением языка окружающего «большого» общества. Уровень знания этого языка уже в процессе адаптации и тем более в процессе последующей интеграции иммигранта с этим обществом играет фундаментальную роль. «С утратой языка, – вспоминает о своем иммигрантском опыте в Америке один из бывших россиян, – ты утрачиваешь приобретенные навыки обращения среди людей, способность полноценного выражения себя. Да просто перестаешь быть собой. Все, оказывается, определяется языком, все сводится к языку... Кипит вокруг жизнь, идут люди, а ты – как один в незнакомом лесу...»²⁶. Однако получение нового знания, как известно, всегда в какой-то мере опирается на уже имеющееся старое, и, в частности, поэтому русские первой, дореволюционной волны трудовой иммиграции в США из-за их связанной с крестьянским происхождением массовой малограмотности (а подчас и неграмотности) оказались там в весьма сложной языковой ситуации. Незнание английского исключало свободное общение с американцами. Правда, поскольку на первых порах общение их ограничивалось чаще кругом соотечественников, а доступный им рынок труда в Америке отнюдь не требовал особого знания языка, боль-

шинство трудовых иммигрантов обходились минимальной бытовой лексикой, включая в свою обиходную речь отдельные «американские» слова и фразы. В качестве образца ее иммигрант первой волны, журналист М. Вильчур воспроизвел фрагмент рассказа одного из этих иммигрантов о своих делах: «Вещи он оставил на "стэйшон", а сам пошел искать "джаб" (работу). Потом менял "румсы" (комнаты). Достал на "инстолмхит" (выплату) "форничур" (мебель), купил себе новый "сут" (костюм) и "шусы" (ботинки). Сестра пошла работать на "пейс" (прислужгой). Я работал "писвойрк" (поштучно). Только "форман" (старший) в каждую "пейду" (расчетный день) требовал, чтобы "зафундовать" (угостить) его. А то ругается "биг-стыф" (дурень). Я ему сказал «герарью» (пошел вон) и ушел. "Дацо" (это все)». Но постепенно во всех местах расселения русских появились, по словам Вильчура, школы, где «преподается русская и английская грамота»²⁷.

Английские слова употреблялись русскими на производстве, в сфере экономики, официальной жизни, политики, и гораздо реже в домашней жизни, личных отношениях, в терминологии родства. Мужчины осваивали английскую речь обычно более интенсивно, чем женщины-иммигрантки, матери семей и хранительницы этнических традиций, которые упорно держались за родной язык и реже пользовались смешанной речью. Однако во второй, послереволюционной волне дело обстояло иначе и, говоря о ней, американский историк Д. Хэссел, ссылающийся на недоступное нам специальное исследование, замечает, что «русская женщина в целом, по-видимому, более успешно адаптировалась к жизни в изгнании, чем мужчина... Женщины вынуждены приспосабливаться ко всему спектру нового образа жизни – закупки в магазинах, школьные проблемы своих детей, география квартала, общественный транспорт, отношения с соседями... Это требовало высокой степени адаптации...»²⁸. Важную роль, конечно, играла *мотивация* освоения языка, и у тех, кто приезжал в Америку на постоянное место жительства, как, например, иммигранты третьей волны, она с самого начала была «интеграционной», т.е. связана с установкой на интеграцию с «большим» обществом.

Язык – отражение культуры, поэтому освоение языка окружающего населения на бытовом уровне – это первый шаг адаптации к культуре окружающей иноэтничной среды. Между языком и культурой существуют теснейшие связи, но поскольку уровень знания языка зависел не только от интенсивности неформального общения, но и от степени формального обучения ему, родившиеся в США и обучавшиеся в американской школе дети иммигрантов свободно говорили и читали по-английски. И если в иммигрантском поколении массовый переход на английский язык невозможен, то повзрослевшее второе поколение было уже двуязычным, способным относительно свободно пользоваться двумя языками не только на индивидуальном, но и на групповом уровне, в том числе и для более полного восприятия и более глубокого освоения культуры окружающего «большого» общества. Иначе говоря, языковая ассимиляция иммигрантов и их потомков происходит обычно быстрее и завершается раньше, чем ассимиляция во многих других отраслях культуры²⁹.

Одним из важнейших каналов адаптации и интеграции русских иммигрантов с «большим» обществом уже с начала XX в. были этнически смешанные браки. Большинство этих иммигрантов составляли тогда одинокие мужчины, и недостаток женщин привел даже к новому для русских крестьян браку по объявлению. С 1898 по 1914 г. женщины, по данным американской иммиграционной статистики, составили всего около 15% русских иммигрантов. Следовательно, по крайней мере четыре пятых прибывших мужчин были одинокие либо оставили жен в России. Нехватка русских женщин способствовала женитьбе русских мужчин на украинках (в том числе «галичанках и русинках»), польках и других славянках³⁰. Но женились и на неславянках. Как констатировал позже один из пионеров русскоязычной прессы в США И.К. Окунцов, тысячи русских мужчин там «основательно осели, обзавелись семьями, женившись не только на славянках, но и на итальянках, на венгерках, на американках. Огромный процент из них американизировался. Русские стали "русскими американцами"»³¹.

У основателя городка Санкт-Петербург во Флориде Петра Алексеевича Дементьева (известного в США как Деменс) и его жены Ларисы Борисенко было четверо детей, но только один из его потомков вступил в брак с русской³².

Во второй волне русской иммиграции в США мужчин также было больше, чем женщин, и хотя смешанные браки они предпочитали заключать внутриконфессионально, но отнюдь не так уж редко – особенно среди специалистов, научных работников, лиц творческих профессий – это обстоятельство не играло большой роли. Например, когда известный журналист Михаил Аргус (Железнов) женился в Нью-Йорке на американке англосаксонского происхождения, «резонанс» в иммигрантских кругах вызвала не конфессиональная принадлежность супруги, а то, что его выбор выглядел, как он писал без юмора, «вероломным предательством по отношению к русским иммигрантам женского пола – всем вдовам, разведенным и девицам, которые упустили еще одного приемлемого русского мужчину в пользу вражеского лагеря»³³.

Нередко в смешанные браки вступали и русские женщины из второй волны иммиграции. Одна из них – некая Маргарита Ивановна Зарудная-Фримен рассказывала, как она и две ее сестры, попав при поддержке известного миллионера-мецената Ч. Крейна из Харбина в США, вышли там замуж за американцев, а их дети, по ее словам, говорят только по-английски: «Так что со второго поколения наша семья стала полностью ассимилированной»³⁴. Выходившая в Сан-Франциско газета «Русское дело» в январе 1940 г. информировала своих читателей о том, что русская колония в Сан-Диего (125 миль южнее Лос-Анджелеса) насчитывает около 200 чел. и состоит преимущественно из русских женщин, вышедших замуж во Владивостоке и Китае за американских моряков³⁵.

В опубликованном в 1939 г. в Лондоне отчете Лиги Наций констатировалось, что никакой доступной статистики по поводу смешанных браков русских беженцев отдельно от всех иммигрантов в США нет. Но, по данным исследования, проведенного для этого отчета, в Сан-Франциско из 385 браков, заключенных русскими беженцами почти половина была заключена с беженцами же, около 8% – с русскими американцами, а остальные 43% были этнически смешанными. Исключение представлял Нью-Йорк, где проживало много русских беженцев и доля этнически смешанных браков среди них была ниже. В то же время отмечалось, что «среди аристократов значительное число вступили в брак с представителями богатых американских семей»³⁶.

Каждая иммигрантская этническая группа приносила с собой в Америку свой уникальный стиль жизни. Ее социальная структура, экономические и образовательные устремления, отношение к религии, мобильность – все эти обстоятельства также влияли на характер и темпы адаптации и интеграции этой группы с американским обществом. Взаимосвязь процесса этнической ассимиляции с социально-структурными аспектами адаптации и интеграции отмечают почти все исследователи³⁷. «Этнокультурное взаимодействие – лишь один из уровней общего социального процесса, где этнокультурная группа взаимодействует с иноязычной средой во всем объеме социальных связей, т.е. входит в соприкосновение с новой социально-этнической структурой, – замечает в этой связи этнолог И.Ю. Заринов. – В рамках всего процесса социальной адаптации все его уровни: экономический, политический и культурный – взаимообусловлены»³⁸. При этом «шансы более быстрой ассимиляции, – констатирует он, – имеют люди, представляющие группы, стоящие на более высоком уровне социальной иерархии»³⁹.

К сожалению, у большинства русских иммигрантов первой волны, состоявшего из крестьян, занятых в Америке в качестве землекопов, шахтеров, чернорабочих, лесорубов, рабочих боен и т.п., таких шансов изначально не было. Лишь постепенно, превращаясь в промышленных рабочих, осваивая английский язык, выходя из полузамкнутых этнических общин, повышая свой образовательный уровень, профессиональную квалификацию и мобильность, их дети и внуки обретали эти шансы. Американский писатель русского происхождения Виктор Петров на исходе XX в. писал, что за 100 лет дети и внуки русских иммигрантов первой волны, «родившиеся в США, прочно

вошли в русло американской жизни. Если первые иммигранты работали чернорабочими, углекопами, то их дети и внуки выбились в более обеспеченный класс. Потомков первых иммигрантов можно встретить во всех профессиях: врачи, адвокаты, профессора, ученые, инженеры, писатели, журналисты»⁴⁰.

Вторая волна русских иммигрантов в Америке оказалась в лучшем положении. «Российское общество в изгнании было хорошо образованным», – утверждает современный американский историк М. Раефф о тех сотнях тысяч русских, которые бежали «от большевизма» после революции и гражданской войны⁴¹. Едва ли с такой оценкой в целом можно безоговорочно согласиться, но в отношении большей части русских, попавших тогда в США, она справедлива. К тому же, благодаря поддержке Русского студенческого фонда и других русских и американских спонсоров, не менее 1,5 тыс. молодых русских получили либо завершили в Америке высшее образование и сделали там неплохую карьеру.

Автор небольшой монографии о послереволюционных русских беженцах во Франции и США в 1920–1930-е годы Джеймс Хэсселл, отвечая на им же поставленный вопрос о том, как эти люди приспособивались к своему новому, американскому окружению, пишет: «Ответы являются сугубо индивидуальными и зависят от множества меняющихся факторов. И первым таким фактором в определении судьбы иммигранта являются его или ее класс... Профессия, богатство и образование – самые важные факторы, объясняющие, почему одни иммигранты хорошо интегрировались, а другие – нет»⁴². Прочитывая в этой связи утверждение французских исследователей о том, что «наиболее радикальные различия обусловлены не столько национальностью иммигрантов, сколько экономическим слоем, к которому они принадлежат»⁴³, Хэсселл заключает: «Люди более высокого класса, хотя и не всегда, интегрируются намного легче»⁴⁴.

К последней трети XX в. в США успело вырасти, повзрослеть и обзавестись детьми уже третье поколение первой волны и второе поколение второй волны русских иммигрантов. К этому времени, по свидетельству американской официальной статистики, образовательный уровень, материальный и социальный статус «русских» в США превышал среднеамериканский. Более того, в 1969 г. статистический отдел Бюро цензов США опубликовал данные о семи этнических группах белых американцев (англичане, ирландцы, испаноязычные, итальянцы, немцы, поляки, «русские»), среди которых «русско-американская» группа оказалась самой «выдающейся по своим достижениям в области образования, занятости и доходов». В частности, средний образовательный уровень ее в возрастной группе от 25 до 34 лет превысил 16 лет учебы и был «равен» стелени бакалавра колледжа, а средний доход, составляя 11 554 долл., превышал показатели дохода остальных шести групп. 56,4% ее мужской рабочей силы было занято в престижных профессиональных категориях менеджеров и специалистов. Однако, поскольку статистическая «русско-американская» группа представляла собой не гомогенное население, а состояла из трех религиозных подгрупп – русских православных, «русских» униатов (русинов, галичан и др.)⁴⁵ и «русских евреев», калифорнийский этносоциолог Барри В. Джонстон поставил перед собой задачу «исследовать и сравнить различные проявления синдрома достижений» в каждой из этих подгрупп с акцентом на «социально-психологическом компоненте» их мобильности⁴⁶. Плодом его исследования стала монография «Русско-американская социальная мобильность. Анализ синдрома достижений». Исследование проводилось среди «русских американцев» трех подгрупп, проживавших в Чикаго и его обширной пригородной зоне и насчитывавших в 1970 г. 104 385 чел.

Подвергнув кропотливому комплексному анализу исторические, социально-экономические, культурные и в том числе конфессиональные особенности, а также другие факторы, влиявшие на характер и темпы социальной мобильности каждой из подгрупп, Джонстон обнаружил, что достижения их в этом отношении весьма различны, и показал это на примерах образовательного уровня, социально-экономического статуса, характера расселения и т.д.⁴⁷ В частности (не вдаваясь в детали его исследования, ибо

это не входит в нашу задачу), обусловленная уровнем образования и доходов социальная стратификация каждой из подгрупп статистической «русско-американской» группы населения чикагской пригородной зоны в 1970 г. выглядела, по подсчетам Б. Джонстона, следующим образом (%)⁴⁸:

Конфессиональная подгруппа	Высшая страта	Средняя страта	Низшая страта
«Русские православные»	40,0	48,6	11,4
«Русские униаты»	43,3	40,0	16,7
«Русские евреи»	64,7	34,1	1,2

В конечном счете Б. Джонстон пришел к выводу, что к этому времени процесс «структурной и культурной ассимиляции» подгруппы «русских евреев» в США зашел значительно дальше, чем подгруппы «русских православных», и тем более подгруппы «русских униатов». Характеризуя подгруппу «русских православных» как представлявшую к этому времени в основном средний класс, он напомнил, что в начале XX в. ее второе поколение – рожденные в США дети иммигрантов – не последовало примеру быстрой аккультурации, испытанной тогда вторым поколением «русских евреев», поскольку не сумело воспользоваться доступными образовательными возможностями. Оно тогда, в отличие от «русских евреев», в большинстве своем покидало муниципальную школу уже после шестого класса, начиная работать, не получив среднего образования и сохраняя классовую принадлежность отцов⁴⁹. А это не только ограничивало профессиональную мобильность, но и тормозило социокультурную интеграцию с костяком американского общества, ибо именно образование разрушает культурные барьеры, облегчая и ускоряя ассимиляционные процессы. Лишь позже «русские американцы» православного вероисповедания осознали ценность стремления к образованию, профессиональному продвижению и начали активно воспринимать ценности, ориентированные на будущее, и делать акцент на профессиональную мобильность. Структурная и культурная ассимиляция их на уровне среднего класса, писал Джонстон, идет нарастающими темпами, и в целом продвижение в американской жизни стало приоритетом для русских американцев этой подгруппы⁵⁰.

Полагая, что три исследуемые религиозные подгруппы так называемой русско-американской группы «находятся ныне на разных стадиях культурной ассимиляции», Б. Джонстон в заключение констатировал: «Русские в Америке – группа, еще недавно игнорируемая в литературе о меньшинствах и социальной стратификации; однако успехи их в нашем обществе – признанный факт»⁵¹.

Б. Джонстон не случайно назвал основной причиной образовавшегося в начале XX в. разрыва в темпах структурной интеграции и всего ассимиляционного процесса между «русскими евреями» и «русскими православными» ранний уход второго поколения последних из американской муниципальной школы. Американский историк-иммигрантовед Джером Дэвис сообщает, например, что в 1909 г. в начальных школах семи городов (Нью-Йорк, Филадельфия, Бостон, Ньюарк, Йонкерс, Детройт, Чикаго, Лос-Анджелес) училось 200 русских детей, а в средней школе только 27⁵². Однако Джонстон имел в виду не только низкий образовательный уровень и, как результат, его последующий низкий социальный статус большей части русских второго поколения, а еще и резкое замедление их аккультурации, т.е. культурной ассимиляции. Как раз в те годы президент Б. Вильсон называл муниципальную школу «великим горнилом Америки, местом, где все мы становимся американцами... Юношество пропитывается там американским духом и превращается в американских граждан»⁵³.

Муниципальная школа действительно вот уже около двух веков служит одним из важнейших механизмов социокультурной ассимиляции иммигрантов. Ученики познают там не только язык, географию, историю, государственную символику, но и культуру Америки, ее достижения, идеалы и мечты. Путем развития чувства свободной ответственности у будущих граждан там воспитываются индивидуальный характер и инициатива.

В 1918 г. уже упоминавшийся М. Вильчур, называя русских детей, «прошедших курс американизма в могущественной по своему влиянию американской народной школе», «полуамериканцами», свидетельствовал, что «влияние родителей ничто по сравнению с тем физическим и духовным перерождением, которое производит в ребенке американская школа. Нити, связывающие второе поколение и иммигрантов, обрываются... Эта трагедия "отцов" и "детей" наблюдается и в других иммигрантских колониях»⁵⁴.

Почти 20 лет спустя, в 1930-е годы, И.К. Окунцов также констатировал, что «школа в США – самое могущественное орудие в деле американизации иммигрантов. Именно там фабрикуются американские граждане. Детям тут преподаются не только отечественная история, но и наука об американском патриотизме»⁵⁵. Д. Хэсселл, отмечая, что русская иммигрантская молодежь второй волны в США ассимилировалась гораздо быстрее, чем во Франции, одной из основных причин этого считает воздействие американской муниципальной школы⁵⁶.

Еще через четверть века, в 1963 г., другой наш соотечественник, проживший в США 30 лет, профессор-экономист В.И. Терещенко, заметил, что «в своеобразных условиях американской жизни уже первое поколение иммигрантов в значительной степени теряет связь со своим прошлым». Он констатировал: «Учатся в американских школах, дети забывают язык своих отцов и американизируются довольно быстро»⁵⁷.

В свете сказанного выше о роли муниципальной школы в американизации детей иммигрантов в США следует отметить, что, по мнению отечественных исследователей, именно подростковый возраст, особенно с 12 до 16 лет, является ключевым в осознании учащимися своей этничности и идентичности. Причем, если подросток живет и учится в полиэтничной среде, а сам принадлежит к этническому меньшинству, то, как показывают исследования этнической идентичности в США, у детей из этой группы преобладает тенденция идентифицироваться с группой доминантного этнического большинства (хотя с возрастом в процессе социализации это может измениться)⁵⁸.

Одним из индикаторов, свидетельствующих о развитии ассимиляционного процесса на стадии социокультурной интеграции русских, может служить такой, казалось бы, чисто формальный показатель, как англоязычие их имен и фамилий. Окунцов, в частности, писал, как иммигранты первой волны и их потомки «русские Майки (Михаилы), Джоны (Иваны) и Мэри из крестьян превратились в рабочих...»⁵⁹. В одной из наших статей уже говорилось о смене молодежью русских имен на английские даже в молканской общине в Лос-Анджелесе⁶⁰. В 1930-е годы изменение фамилий стало принимать все более широкий характер. Так, американский иммигрантовед М. Дэви, приводя в качестве примера около десятка натурализовавшихся русских второй волны в Сан-Франциско, сообщал, что Добровидов там стал Добр, Кукушкин – Притчард, Меньшиков – Менш, Вяльцев – Уолтц, Волошинов – Уолш, Мякша – Росс, Целебровский – Целебер, Вервильский – Петерс, Макарычев – Гувер⁶¹.

Не менее характерный индикатор дальнейшего развития ассимиляционного процесса – постепенная смена этническими институтами и организациями, созданными иммигрантами, своих первоначальных этнодифференцирующих функций сплочения, консолидации, отличия на этноинтегрирующие, направленные на социокультурную интеграцию и полную ассимиляцию. Самые ранние институты и организации русских, возникшие как ответ на условия жизни в Америке и в целях оказания взаимопомощи, в начале и особенно в первой трети XX в. трансформировались в этнические. Членами их были уже не только успешные постареть здесь иммигранты, но и их повзрослевшее в США второе поколение. К этому времени цели и структура этнических организаций

постепенно изменились, чтобы приспособиться и отвечать новым потребностям их членов и меняющимся реалиям жизни. К тому же появилось немало новых этнических организаций, созданных вторым поколением. По мере дальнейшей культурной ассимиляции потомков иммигрантов одни из этнических институтов отмирали. Другие, перешедшие на английский язык, ставили теперь своей задачей передачу следующим поколениям системы ценностей и потребностей уже интегрированных и в значительной степени ассимилированных «русских американцев». Из этнических эти организации стали трансформироваться в американские.

Так, созданная иммигрантами первой волны в 1920-е годы на средства обществ взаимопомощи и без всякой поддержки местных властей сеть светских школ обучения детей иммигрантов русскому языку и культуре по мере взросления второго поколения постепенно пришла в упадок и исчезла. Как констатировал автор очерка о ней, «второе поколение русских американцев уже выросло, а третье еще не достигло школьного возраста»⁶².

В то же время созданные иммигрантами второй волны отряды русских скаутов во второй половине XX в. трансформировались в организацию русских американцев, приняв название юных разведчиков⁶³.

Появление в США в конце XIX – начале XX в. русскоязычной прессы было одной из форм этнического самоутверждения. Стремясь сохранить свой язык и культурные традиции, иммигранты надеялись упрочить те нити, которые еще связывали их с родиной. Русскоязычные газеты снабжали своих читателей информацией об иноязычной среде, в которой они оказались, и хотя это в течение некоторого времени тормозило контакты с американцами, в целом газеты все-таки помогали адаптироваться к данной среде. Постепенно по мере развития объективного ассимиляционного процесса и взросления второго поколения, а также появления иммигрантов второй волны менялись задачи и функции русскоязычной прессы, характер и подача информации. Приход англоязычных поколений русских американцев резко сократил число и тиражи русскоязычных газет, и только последующие волны русских и других русскоязычных иммигрантов из СССР и стран СНГ позволили некоторым из этих газет продержаться «на плаву» вплоть до конца XX в.⁶⁴

Особую роль в судьбах русских в США сыграла православная церковь – институт, с самого начала охватывавший многие аспекты жизни иммигрантских общин. Она создавала первые русские православные приходы, организации взаимопомощи и страхования, приходские школы и другие механизмы сохранения и передачи русского языка, традиций и другого этнокультурного наследия, помогая сплотить иммигрантское меньшинство и смягчить испытанный им психологический шок перед лицом культурного давления со стороны окружающего «большого» общества. Отгораживая русских иммигрантов от католической, протестантской и других конфессиональных культур в США, православная церковь тем самым длительное время тормозила их социокультурную интеграцию с американским обществом.

Вместе с тем, смягчая культурный шок, она облегчала первоначальную структурную адаптацию иммигрантов. Позже, по мере смены поколений и развития ассимиляционного процесса среди потомков иммигрантов, все более отдалявшихся от русского культурного наследия, а зачастую и от православия, американская ветвь этой церкви сначала ввела в свою службу английский язык, а затем, отделившись вообще от русской ветви, стала Православной церковью в Америке. И это обстоятельство само по себе, как нам представляется, может служить индикатором, свидетельствующим об уже достаточно высокой степени к концу XX в. социокультурной ассимилированности большей части русских американцев⁶⁵.

М. Вильчур, рассказывая о конфликте между иммигрантами первой волны и их детьми, окончившими американскую школу, отнюдь не преувеличивал, назвав его «трагедией отцов и детей», ибо в эмиграции, на фоне борьбы за выживание, старый, как мир, конфликт поколений особенно обостряется. Взрослые иммигранты обладали уже устоявшимися и сравнительно неизменными системами ценностей и соответ-

ствующими поведенческими нормами. Между тем их дети в школе и на улице, свободно общаясь с детьми «коренных» американцев, более широко постигали американские традиции, нормы, язык, говорили на нем и вследствие неустойчивости детских ценностных систем склонялись к ценностям доминирующей американской культуры. В результате, вырастая, они выступали против многих традиций, норм, интересов и позиций иммигрантской общины. Различия в языке, обычаях, стремлениях, идеалах оказывались слишком велики. К тому же повзрослевшие дети, в большой мере утратившие культурное наследие родителей и пока еще не полностью освоившие американскую культуру и потому невоспринимаемые на равных «коренными» американцами, оказались в своего рода переходном состоянии и нередко испытывали, подобно своим родителям, чувство неполноценности. Конечно, проявлялось оно по-разному. Иногда взрослые дети полностью отдалялись от родителей и даже отказывались от своего происхождения. Другие жили, чувствуя себя все еще вне главного потока жизни американского общества. И опять-таки лучше приспособившись к ней люди более образованные, осведомленные о культуре своего народа, ее месте в мировой культуре, которые могли гордиться культурным наследием родителей и их родины и тем самым смягчить конфликт, возникший не только между поколениями, но и между двумя культурами. Все это позволило упомянутому уже иммигрантовед М. Дэви заключить, что самую важную роль в разрыве с иммигрантской общиной играет именно второе поколение⁶⁶.

Уже в 1915 г. советник российского посольства в США А.И. Щербатский сообщал, что дети, обучаемые в американских школах, становятся «могучим орудием ассимиляции родителей. Второе поколение русских в США малочисленно, но американизация его идет быстро, и нередко приходится слышать русских родителей, прибегающих к ломаному английскому, чтобы объясниться со своими детьми»⁶⁷.

В 1922 г. Джером Дэвис в одной из двух своих монографий о дореволюционной волне русских отмечал, что «второе поколение русских... уже считает Америку своим домом. Они говорят по-английски и понимают его лучше, чем русский. Они смотрят на Россию иначе, чем родители»⁶⁸. Продолжая ту же мысль в другой книге, он писал: «Русские с семьями осознали выгоды свободного образования... Второе поколение их уже читает и пишет по-английски, знает в определенной степени американские историю и идеалы, они определенно ассимилируются; что же касается их социального наследия, то оно уже почти больше американское, чем русское»⁶⁹.

В 1926 г. писатель-белоземigrant З.Ю. Арбатов, приехавший из Берлина в США, констатировал: «...Вижу перед собой людей напряженно и тяжело работающих... над которыми открыто смеются их же дети. Перед детьми разворачивается жизнь в Америке как в родной стране. Дети говорят по-английски как на родном языке и плохо знают русский язык. Родители забывают русский и безжалостно коверкают английский... Молодежь на меня смотрела, как... на человека с Марса...»⁷⁰.

О втором поколении послереволюционной волны русских иммигрантов (беженцев) в 1930-е годы Окунцов писал: «Молодежь, закончивши свое образование, целиком окунулась в американскую жизнь, обзавелась семьями и стала утрачивать свой русский облик. Эту молодежь можно изредка встретить на русских предприятиях и в церквях. Они перестали интересоваться русской литературой, историей и даже языком. Отцы этой молодежи когда-то в России были профессорами, чиновниками, дворянами, купцами, золотопромышленниками. Имели деньги, титулы и землю. А теперь они без средств, «джаниторы» (швейцары. – Э.Н.), швеи, полойщицы, мелкие торговцы, домашняя прислуга»⁷¹.

В 1939 г. в отчете Лиги Наций сообщалось, что, по словам русских беженцев в Нью-Йорке, их молодежь не говорит уже правильно по-русски, происходят конфликты между старшими и младшими поколениями. Надежды молодых намного отличаются от надежд старших. Их мечте о возвращении в небольшевицкую Россию нет места в чаяниях более удачливого молодого поколения, устремленного вперед к богатой и активной жизни в качестве американских граждан⁷².

В начале 1940-х годов приехавший в США из Парижа известный журналист, эсер Марк Вишняк вспоминал о встрече с социологом Питиримом Сорокиным: «Познакомился и с сыновьями Сорокина, крестниками Кусевицкого и, если не ошибаюсь, Ростовцева. Они не рисковали говорить с незнакомцем по-русски, слабо владея этим языком. Да и как говорить, если Сорокин сам, при всем его образованности, разучился говорить без ошибок на родном языке. Когда я по-приятельски обратил на это его внимание.., он не стал спорить, а только, как бы в оправдание, заметил: "У нас все разучились говорить правильно, и Кусевицкий, и Ростовцев". На что я возразил: как говорит Кусевицкий я не слыхал, но Ростовцев говорит безупречно, я слышал его доклад на вечере "Современных записок" в Париже»⁷³.

В 1945 г. Алексей Вирен – сын убитого матросами в Кронштадте царского адмирала и основатель Русского студенческого фонда в США – в связи с 25-летием фонда констатировал, что среди 650 русских, получивших при поддержке этого фонда в Америке высшее образование, «у одних еще остается русский акцент, у других же (особенно не имевших рядом иных русских) сложилось произношение, характерное для того региона США, где они учились и жили»⁷⁴.

В 1955 г. высланный в 1922 г. из Советской России, а позже в качестве «ди пи» оказавшийся в США бывший ректор Московского университета М.М. Новиков в опубликованных в Нью-Йорке мемуарах писал: «Молодежь, за немногими исключениями, русской культурой не интересуется. Могучий молот здешней материальной цивилизации перековывает ее психику на американский лад. Грустно думать, что русская эмиграция, если не произойдет решительного сдвига в области мировых событий, обречена в Соединенных Штатах на быстрое вырождение»⁷⁵.

Самого Новикова принесла в США третья волна русских иммигрантов, но об их втором поколении заговорили лишь в последней четверти XX в.

В 1989 г. бывший ленинградец и автор публикаций в журнале «Звезда», а позже подполковник Советской Армии и «ди пи», оказавшийся в США, признавался там советскому журналисту: «Жизнь в эмиграции вообще трудная вещь, а уж жизнь перебежчика... Вот у меня есть все: дом, машина, деньги, дети есть, двое, закончили университеты, общего языка с ними никакого, чистые американцы. С женой я давно разошелся. Живу один, много читаю...»⁷⁶.

В 1993 г. Сьюзен У. Хэрдуик, автор монографии о русских «религиозных беженцах» из СССР, осевших на Тихоокеанском побережье США в 1945–1985 гг., сообщает, что большая часть их второго поколения русский язык утратила, ибо несмотря на все усилия родителей учить детей русской культуре и языку в частных школах и дома, многие дети, став совершеннолетними, отказались от этого, считая такие знания в англоязычной стране бесполезными. И хотя с родителями и друзьями они общаются на русском, вне этого круга лиц говорят только по-английски⁷⁷.

Но если дети большинства иммигрантов, даже считая русский язык «лишним балластом» для себя, все-таки не совсем забыли его, а то и могли говорить на нем, то третье и четвертое поколения – внуки и правнуки иммигрантов, как правило, им уже не владели, а подчас и вообще избегали разговоров о происхождении своих дедушек. «...Большая часть молодых русских американцев, – утверждал некий В.Н. Мантулин, автор статьи, опубликованной в марте 1974 г. журналом «Русский американец», – по-русски не читает, не пишет и зачастую просто не понимает... Молодые русские люди, занимающие сегодня высокие посты в деловых американских кругах, это, с российской точки зрения, совершенно иной тип человека и гражданина по сравнению с тем, который вел наше общество пятьдесят лет назад. Прежде всего они о России, конечно, не болеют, и так называемый русский вопрос им чужд. Никакого служения русской культуре, русскому обществу от многих из них ожидать нельзя. И общественное служение ограничивается посещением церкви, да и то до тех пор, пока дети посещают приходскую школу, тоже без особого энтузиазма»⁷⁸.

В 1987 г., выступая с докладом на 7-м съезде Конгресса русских американцев (КРА), его председатель П.Н. Будзилович, подчеркивая, что задачей КРА является

«сохранение нашей этничности и защита всего русского», бил тревогу по поводу того, что дети многих русских американцев «полностью ассимилируются». Видно, этим и объяснялось сообщение на съезде о том, что за время с 1984 по 1987 г. в КРА вступило 100 чел., и численность этой организации составила лишь 307 чел.⁷⁹ (хотя в США живут многие сотни тысяч русских американцев).

Священник кафедрального Свято-Николаевского собора в Вашингтоне отец Дмитрий, а в миру профессор-филолог Д.Д. Григорьев, жаловался в беседе с московским журналистом на то, что «внуки и правнуки давно приехавших сюда русских уже не считают себя русскими»⁸⁰. Корреспондент московской газеты, работавший в начале 1990-х годов в США, писал: «"Белые" русские говорили по-русски, привили детям чистый, сегодня иногда звучащий трогательно старомодно русский язык. А вот внуки уже в большинстве случаев по-русски не говорят. Телевидение, школа, друзья делают свое дело, молодежи то ли хочется поскорее стать американцами, то ли не чувствуют они уже себя русскими»⁸¹.

Иммигрант второй волны генерал В.А. Яхонтов, рассказывая о своих внуках, отмечал, что «внук Виктор – совсем уже американец, а уж правнуки и подавно»⁸².

Кубанский казак, полковник конного корпуса генерала Шкуро, Е. Алексеев, объехавший в 1930-е годы с цирковой группой чуть ли не полмира, воевавший с японцами во французском Иностранном легионе во Вьетнаме, в 1950-е годы осел в США. В 1982 г. в письме к А.И. Солженицыну он сообщал, что его женатый на американке сын, летчик, владеющий английским и французским языками, по-русски читает с трудом, а внуки и внучка говорят только на английском⁸³.

И таких примеров множество, а если и бывают исключения, то главным образом среди потомков российской аристократии либо военной и чиновной элиты, дворян, гордящихся своими родословными, стремящихся сохранить в своих семьях и передать детям русский язык и культурные традиции. Это такие известные в истории России фамилии, как Романовы, Голицыны, Гагарины, Волконские, Трубецкие, Нарышкины, Лопухины, Бобринские, Щербатовы, Кочубей, Сперанские, Осоргины и т.д. Их потомки в США до сих пор общаются и регулярно отмечают традиционные русские, а также и американские праздники благотворительными балами и вечерами, организуемыми Русским дворянским обществом и другими русскими организациями в Нью-Йорке⁸⁴.

Вместе с тем и среди оказавшихся в Америке потомков прославленных в России родов далеко не все уже помнят язык предков. Приехавший впервые в 1989 г. в Ленинград правнук декабриста И.И. Пущина, и внук его сына, основавшего городок Сиклиф под Нью-Йорком, с грустью признавался, что русского языка не знает⁸⁵.

Когда в 1979 г. в Санкт-Петербурге (штат Флорида) в честь основателя этого города П.А. Дементьева (Деменса) в присутствии его внука Деменса-Лэндинга был заложен мемориальный парк, то на попытку автора книги о Дементьеве заговорить с внуком на русском языке тот ответил: «Я совсем не говорю на русском. Давайте побеседуем на английском»⁸⁶.

Известные журналисты Г. Башкирова и Г. Васильев рассказывали, как на книжном базаре в Вашингтоне они случайно разговорились с «высокой, плотно сбитой молодой женщиной в потрепанных джинсах и кедах». В разговоре она заметила: «Папа говорит, что у меня знаменитая фамилия, только выговаривается она трудно». – «Ну попробуйте». – «Я Лорис-Меликова, – сказала женщина, – Это, правда, известная в России фамилия?» – «Лорис-Меликова? – удивились мы. – И Вы ничего не знаете?» – «Нет». – «Один из ваших предков был министром императора Александра II, подготавливал важные реформы. Царя убили, проект он не успел подписать... Он был граф Лорис-Меликов». – «Значит я графиня? – изумилась женщина. – ...Как это досадно, – сказала она, – мои родители совсем американизировались, я даже русского языка не знаю... Выходит, вы лучше меня знаете историю моей семьи».

«Кто эта женщина, какова степень ее родства со своим знаменитым предком?» – задаются вопросом авторы. «И вот четвертое или пятое поколение – и уже ничего, – пишут они. – Ни одного русского слова... Но фамилия держится – Лорис-Меликова»⁸⁷.

Как известно, этничность в человеке не заложена отроду, осознается и проявляется она в результате социализации его в той или иной среде. Сложившееся у него этническое самосознание опирается прежде всего на представление об общности происхождения, языка и культуры. «Самосознание этническое, – по определению энциклопедического словаря "Народы и религии мира", – одна из форм социальной идентичности, чувство принадлежности к этнической группе, проявляющееся на индивидуальном и групповом уровнях. Является основным условием возникновения и существования этнической общности. Оно имеет различное содержание и меняется исторически, может усиливаться или ослабляться под воздействием изменений в социальной либо политической ситуации и интересов индивидуума. Сосуществует с другими формами социальной идентификации»⁸⁸.

Взаимодействие тенденции к американизации, интеграции в конечном счете к этнической ассимиляции иммигрантов и их потомков, с одной стороны, и к их групповому этноцентризму – с другой, было характерно для всех иммигрантских групп в США и проходит через всю историю этой страны. Именно им обусловлена дуальность (амбивалентность) этнического самосознания иммигрантов и первых поколений их потомков. Однако с каждым поколением чувство «русскости» в их этническом самосознании уменьшалось. Но даже у самых ассимилированных из них, уже утративших родной язык и прежнюю культуру, еще сравнительно долгое время, сосуществуя с новым, американским национальным самосознанием, может сохраняться чувство этнической принадлежности предков, т.е. этническое самосознание, основанное на памяти о родине этих предков⁸⁹.

Потеря далекими потомками иммигрантов угасающего прежнего этнического самосознания, подпитывающегося обычно сохранявшимися связями и памятью о «старой родине», предполагает полный разрыв со страной происхождения предков.

* * *

В официальной американской статистике учет численности иммигрантов и их рожденного в США второго поколения по показателю родного (материнского) языка впервые был введен в переписи 1910 г. Опросу о родном языке подвергались лица, родившиеся за границей, и те из уроженцев США, чьи родители или хотя бы один из них родился за границей. Эти два поколения объединялись рубрикой «лица недавнего иностранного происхождения». Внуки и внучки иммигрантов попадали уже в разряд «коренных американцев». В 1940 г. родным языком назвали русский 585,1 тыс. чел., в том числе 356,9 тыс. родившихся вне США, 214,2 тыс. лиц второго и около 14 тыс. лиц третьего поколений, родившихся в Америке. В 1960 г. родным назвали русский язык 460,8 тыс. чел., из которых 276,8 тыс. родились вне США, а 184 тыс. – в США, из которых 166 тыс. принадлежали ко второму и 18 тыс. – к третьему поколениям. В 1970 г. русский язык назвали родным 334 тыс. чел.; 149 тыс. из них родились вне США, а 185 тыс. – в США⁹⁰.

Как известно, далеко не все русскоязычные иммигранты и их дети – уроженцы США – были этническими русскими (в американской официальной статистике гораздо чаще употребляется термин «русские по происхождению»). Перепись 1940 г. зарегистрировала таких лиц 2610 тыс. В 1950 г. их насчитывалось 2542 тыс., в 1960 г. – 2290 тыс., в 1970 г. – 2188 тыс. Правда, в последней четверти XX в. число их стало вновь возрастать, достигнув к 1990 г. 2953 тыс.⁹¹ Однако о том, что фактически представляет собой статистическая категория «русское происхождение», можно судить по данным переписи 1960 г., когда своим родным языком лишь 32% иммигрантов этой категории назвали русский, а 35% – идиш, 12% – литовский, остальные 23% – украинский, польский и др.⁹² И если можно полагать, что все или почти все назвавшие родным языком идиш – евреи, то среди указавших родным языком русский, наверняка, имелось какое-то число русскоязычных евреев, украинцев, поляков и т.д. Тем не менее определить, сколько среди «русских по происхождению» в 1960 г. или 1979 г. было

этнических русских ныне еще сложнее, чем в начале века, да и едва ли это вообще возможно, прежде всего потому, что ныне около половины всех браков, заключаемых между белыми американцами, этнически смешанные. Причем к 1970 г. самая высокая доля этнически смешанных браков среди белых американцев оказалась у «русских» и португальцев⁹³.

Глава «Русские» в «Атласе американской этнической мозаики» начинается с того, что в начале XX в. в США среди «русских по происхождению» иммигрантов только 17% были великорусами, а остальные – евреями, белорусами, русинами, украинцами, казаками и др.⁹⁴ И действительно, по оценке Бюро цензов, в 1920 г. евреи составляли 20,2% русскоязычных лиц из России и более половины всех российских иммигрантов, живших тогда в Америке⁹⁵. Большинство евреев, прибывших туда в 1930–1970-е годы из СССР, будучи евреями «по крови», являлись носителями русского языка и людьми, ассимилированными советской русской культурой. Видимо, поэтому американский лингвист Д. Эндрус считал «советский культурный фон... более важным фактором, чем этническую принадлежность»⁹⁶. Кодирование для переписи 1980 г. дало основание полагать, что в США две трети населения русского происхождения имеет «еврейские корни»⁹⁷.

Что же касается белорусов, то, по данным некоторых американских исследователей, за время с 1960-х годов XIX в. по 1914 г. в США их прибыло якобы около 800 тыс. Американский автор Б. Кайпел полагает, что не менее 50% иммигрантов из Российской империи, въехавших в США как русские, в действительности были белорусами. В 1920 г. только в маленьком штате Нью-Джерси проживали 36 тыс. белорусов. И хотя уже в 1920-е годы в Америке появилась первая газета на белорусском языке, а после прибытия белорусских «ди пи» возникли и свои этнические организации, в связи со слабо развитым этническим самосознанием белорусов в рамках Российской империи Русская православная церковь (РПЦ) в Америке весьма преуспела в «оправославлении» и русификации белорусов разных волн российской иммиграции⁹⁸. Во всяком случае, даже в 1946 г. известный американский славист И. Ружек отмечал, что в США «не существует никакой разницы между собственно русской и белорусской группой»⁹⁹. А в 1988 г. Д. Аллен и Ю. Тёрнер считали, что именно «такое развитие помогает понять, почему, несмотря на прибытие после 1947 г. нескольких тысяч белорусских беженцев, так мало людей сообщили в 1980 г. (4,3 тыс. – Э.Н.) о своем белорусском происхождении»¹⁰⁰.

В конце XIX в. приезжавшие в Америку из Австро-Венгрии и называвшие себя «русскими людьми» карпаторусы (русины) и угрорусы (галичане) униатского вероисповедания после конфликта с местным католическим архиепископом стали целыми приходами переходить в лоно Русской православной церкви. Поскольку эти группы никогда не имели своей государственности, их идентичность, по мнению ряда исследователей, была достаточно размыта и «растает» либо поглощена той или иной более крупной группой. В результате к 1914 г. около 43% «русского» православного населения США были русинского происхождения, причем в отдельных приходах РПЦ в Америке русины составляли до 80% прихожан¹⁰¹. По некоторым оценкам, в период между 1880 и 1914 гг. в США прибыли 125 тыс. русинов и при переписи 1920 г. около 95 тыс. их назвали родным языком русинский, а многие из остальных – русский. К 1971 г., как замечает П. Магоши, автор статьи о русских в Гарвардской энциклопедии американских этнических групп, более половины лиц, считавших себя русскими (но иных, чем евреи), не были ими. В их число входили и русины. Существенную долю лиц русского происхождения составили русины и по переписи 1980 г.¹⁰²

Хотя многие представители старших поколений выходцев из Галиции продолжают все еще называть себя русскими, практически они изолированы от тех, кого сами же называют «настоящими русскими» и которые, со своей стороны, смотрят на них сверху вниз как на необразованных разнорабочих низшего класса. А их дети и внуки с высшим образованием стремятся либо уже полностью ассимилировались в американском обществе¹⁰³.

Характерно, что нередко в американских переписях (в том числе в 1980 г.) как лиц русского происхождения идентифицировали себя потомки российских немцев, иммигрировавших в США в последней трети XIX в., несколько поколений предков которых прожили в Российской империи. По мере изменения позиций США по отношению к Германии и к России некоторые из этих людей меняли свою идентификацию и в годы мировых войн и нацистского господства в Германии предпочитали определять себя как русских¹⁰⁴.

После продажи Россией в 1867 г. Аляски около 2 тыс. местных, крещенных Русской православной церковью креолов (потомков отпрысков смешанных брачных и внебрачных связей русских с алеутами и индейцами тлинкитами) также идентифицировали себя как русские. Но в XX в. и особенно в годы второй мировой войны в результате процесса быстрой расовой диффузии, ассимиляции и полного перехода новых поколений населения островов Ситки, Кодьяка, Уналашки на английский язык, ситуация изменилась. Тем не менее даже в 1950-е годы семьи алеутов, которые могли претендовать хотя бы на одного отдаленного русского предка, рассматривали себя как русских¹⁰⁵.

В то же время около 4 тыс. русскоязычных представителей крупнейшей сословно-этнографической группы русских – донских, терских, кубанских и других казаков, оказавшихся в составе второй и третьей иммиграционных волн русских в США и имеющих там свои организации, прессу и даже музеи, наоборот, всячески стараются дистанцироваться от русско-американской общины¹⁰⁶.

В 1990 г. в США насчитывалось 2953 тыс. «русских по происхождению» (в том числе не более 1 млн. этнических русских и их потомков), но лишь 243 тыс. из них разговаривали в семье по-русски. В середине 1990-х годов по подсчетам проф. Е.А. Александрова, среди русских американцев на долю мужчин приходилось 44,75%, на долю женщин – 55,25%, тогда как у всего населения США соответственно 48,8 и 51,2%. Иначе говоря, в целом в населении США мужчин было меньше, чем женщин, на 2,4%, а в группе русских американцев – на 10,5%. Средняя продолжительность жизни «русских» составляла тогда у мужчин 76 лет, у женщин – 81 год, а у белого населения США соответственно 73,4 и 78,6 лет. Но у русских доля стариков достигала 32,2%, тогда как в США в целом составляла лишь 9,6%. У русских на одно рождение приходилась более одной смерти (1,57). По оценке того же русского американца проф. Е.А. Александрова, число этнических русских в США за счет разницы между рождаемостью и смертью, за счет ухода из русских общин, также за счет ассимиляции и далее будет в США сокращаться на 0,671% в год¹⁰⁷.

* * *

Как известно, в ряде стран Европы потомки русских иммигрантских групп уже во втором-третьем поколениях растворились в местном населении. Возможно, это произошло бы и в США, если бы за первой массовой волной русских иммигрантов туда в начале XX в. не последовали в 1918-1923 гг. массовая «подпитка» – вторая волна, а в конце 1940-х – начале 1950-х годов новая «подпитка» – третья волна. В результате там, казалось бы, могла наметиться тенденция к приобретению русскими американцами комплекса свойств, условно названных одним из исследователей этой проблемы «диаспоральностью»¹⁰⁸. Но, поскольку развернувшиеся ныне споры вокруг научного определения понятия «диаспора» все еще далеки от завершения¹⁰⁹, говорить о реальном становлении в Америке «русской диаспоры» можно, видимо, только используя этот пока весьма расплывчатый термин на самом обыденном уровне. Неслучайно У. Чэпин Хантингтон, автор изданной в Бостоне в 1933 г. книги о русском зарубежье, уже после первой «подпитки» иммиграции писал, что «зарубежная Россия уходит на наших глазах: организм ее слишком хрупок, чтобы долго сопротивляться ассимиляции

с другими народами»¹¹⁰. Второй «подпиткой» стало прибытие в США в середине XX в. десятков тысяч русских «невозвращенцев» из Европы и с Дальнего Востока. Однако уже в конце 1970-х годов, завершая статью «Русские» в Гарвардской энциклопедии американских этнических групп, автор ее П. Магоши констатировал, что «широкие географические, политические и социальные различия между разными сегментами русско-американской общины наряду с ограничением притока этнических русских... привели к упадку и сокращению числа русско-американских организаций и русско-американской прессы. Эти факторы наряду с идеологическими и психологическими неопределенностями в отношении идентификации человеком себя в качестве русского ставят под сомнение жизнеспособность русско-американской общины»¹¹¹. О подобной же по сути дела перспективе у этой общины говорилось и в упомянутой выше оценке ее судеб, сделанной в 1990-е годы проф. Е.А. Александровым.

История американской нации свидетельствует, что доминирующей тенденцией в происходивших там в XIX и XX вв. этнических процессах была ассимиляция. Причем сравнительно наиболее безболезненной и относительно наиболее «быстрой» она оказалась для иммигрантских групп из Европы. Фактический и статистический материал, представленный в данной статье, показывает, что русские в США в этом отношении отнюдь не являются каким-то исключением, поэтому, как нам представляется, их потомков там в долгосрочной перспективе ожидает та же судьба, что и потомков других европейских иммигрантов: полная этническая ассимиляция.

Примечания

¹ *Богина Ш.А.* Иммигрантское население США, 1865–1900 гг. Л., 1976. С. 223.

² *Лебедева Н.М.* Социальная психология этнических миграций. М., 1998. С. 8.

³ Народы и религии мира. М., 1998. С. 881.

⁴ *Davis J.* The Russians and Ruthenians in America. N.Y., 1922. P. 25.

⁵ *Ibid.* P.71.

⁶ *Мухин А.* Отход крестьян на заработки в Америку // *Агроном. журн.* 1913. № 9–10. С. 158–159.

⁷ *Крамаров Г.* Февральские дни в Сан-Франциско // *Каторга и ссылка.* 1927. № 1 (30). С. 25.

⁸ *Simpson J.H.* The Refugee Problem. L., 1939. P. 467; *Hassell J.E.* Russian Refugees in France and the United States Between the World Wars. Philadelphia, 1991. P. 91.

⁹ *Vishniak M.* Years of Emigrations, 1919–1969. P.: N.Y., 1970; *Yakobson H.* Crossing Borders From Revolutionary Russia to China to America. Tenafly, N.J., 1994. P. 170.

¹⁰ Countess Marguerite Cassiny. Never a Dull Moment. N.Y., 1956. P. 354.

¹¹ Цит. по: Из истории российской эмиграции. СПб., 1991. С. 21, 60; *Raeff M.* Russia Abroad. Cultural History of the Russian Emigration, 1919–1939. N.Y., 1990. P. 4–5, 16; *Hassel J.E.* Op. cit. P. 80.

¹² Ежегодник Православной церкви в Америке. Кн. 2. 1974. С. 108–109.

¹³ *Сысоев М.* Путешествие в Америку. М., 1910. С. 73.

¹⁴ *Энгель В.Б.* Паспортный конфликт // США. Экономика, политика, идеология. 1990. № 4. С. 39–46.

¹⁵ Известия Общества сближения между Россией и Америкой. Вып. 5. Петроград. Февраль 1918. С. 40, 41.

¹⁶ *Омельченко Е.И.* К вопросу об организации российской колонии. Нью-Йорк. Октябрь 1917. С. 23, 24.

¹⁷ *Davie M.R.* World Immigration. N.Y., 1946. P. 495, 510–512; *Weiss R.* Ethnicity and Reform: Minority and Ambience of Depression Years // *J. Amer. History.* 1979. V. 66. № 3. P. 568–569.

¹⁸ *Kallen H.M.* Culture and Democracy in the United States. Studies in the group psychology of the American people. N.Y., 1924. См. также: *Hassell J.E.* Op. cit. P. 90.

¹⁹ *Davie M.R.* Op. cit. P. 495, 510; *Weiss R.* Op. cit. P. 568–569.

²⁰ *Simpson J.H.* Op. cit. P. 467.

²¹ *Hassell J.E.* Op. cit. P. 89–90.

²² *Нитобург Э.Л.* У истоков русской диаспоры в США: Третья волна // США – Канада. Экономика, политика, культура. 1999. № 1. С. 87–91; № 2. С. 80–86.

²³ *Hardwick S.W.* Russian Refugee. Religion, Migration, and Settlement of the North American Pacific Rim. Chicago, 1993. P. 4.

- ²⁴ Архив Русского общественного фонда А.И. Солженицына. Ф. 1. Д. М-38. Л. 260.
- ²⁵ *Нитобург Э.Л.* Русские религиозные сектанты и староверы в США // Новая и новейшая история. 1999. № 3. С. 34–55.
- ²⁶ *Любарский В.* Из Америки с познанием и сомнением. СПб., 1996. С. 50, 51.
- ²⁷ *Вильчур М.* Русские в Америке. Нью-Йорк, б.г. [1918]. С. 71, 72.
- ²⁸ *Hassell J.E.* Op. cit. P. 87.
- ²⁹ *Богина Ш.А.* Указ. раб. С. 225; *Гарб П.* Иммигранты из США и Канады в СССР. Опыт исследования социально-культурной и бытовой адаптации. М., 1990. С. 12–14.
- ³⁰ *Вильчур М.* Указ. раб. С. 84, 85; *Davis J.* The Russian Immigrant. N.Y., 1922. P. 77–78, 80.
- ³¹ *Окунцов И.К.* Русская эмиграция в Северной и Южной Америке. Буэнос-Айрес, 1967. С. 224.
- ³² *Parry A.* Full Steam Ahead. The true story of the Peter Demens, the Brave Russian nobleman... St. Petersburg, FL., 1987. P. VIII.
- ³³ *Argus M.K.* Moscow-on-the-Hudson. N.Y., 1948. P. 102. Цит. по: *Hassell J.E.* Op. cit. P. 88.
- ³⁴ *Stone N., Glenn N.* The Other Russia. L., 1990. P. 200–205.
- ³⁵ Русское дело (Сан-Франциско). 1940. 23 янв. Т. 5. № 5–6.
- ³⁶ *Simpson J.H.* Op. cit. P. 468, 469.
- ³⁷ См., напр.: *Богина Ш.А.* Указ. раб. С. 235; *Dinnerstein L., Reimers D.M.* Ethnic Americans. A History of Immigration and Assimilation. Cambridge, 1982. P. 124, 142.
- ³⁸ *Заринов И.Ю.* Путь длинее века (Поляки в Бразилии). М., 1998. С. 95.
- ³⁹ Там же. С. 93.
- ⁴⁰ *Петров В.П.* Русские в Америке. XX век. Wash., 1992. P. 10.
- ⁴¹ *Raeff M.* Op. cit. P. 11.
- ⁴² *Hassell J.E.* Op. cit. P. 83.
- ⁴³ *Girard A., Stoetzel J.* Francais et immigres. P., 1954. P. 99.
- ⁴⁴ *Hassell J.E.* Op. cit. P. 83.
- ⁴⁵ *Нитобург Э.Л.* Русская православная церковь в США // США–Канада. Экономика, политика, культура. 2000. № 4. С. 34–36.
- ⁴⁶ *Johnston B.V.* Russian-American social mobility: Analysis of the achievement syndrome. Saratoga, CA, 1981. P. 1–2.
- ⁴⁷ *Ibid.* P. 8–26.
- ⁴⁸ *Ibid.* P. 34–39.
- ⁴⁹ См. об этом: *Нитобург Э.Л.* Евреи в Америке на исходе XX века. М., 1997. С. 93–100; *Davis J.* The Russian Immigrant. P. 84. К 1914 г. средний семейный ежегодный доход иммигрантов-евреев в США составлял 685 долл., а русских – 494 долл. (*Dinnerstein L., Nichols R.L., Reimers D.M.* Natives and Strangers. Ethnic Groups and the Building of America. N.Y., 1979. P. 147).
- ⁵⁰ *Johnston B.V.* Op. cit. P. 68–70.
- ⁵¹ *Ibid.* P. 72.
- ⁵² *Davis J.* The Russians and Ruthenians in America. P. 58.
- ⁵³ *Wilson W.* The New Freedom. N.Y., 1914. P. 97.
- ⁵⁴ *Вильчур М.* Указ. раб. С. 86.
- ⁵⁵ *Окунцов И.К.* Указ. раб. С. 239.
- ⁵⁶ *Hassell J.E.* Op. cit. P. 86.
- ⁵⁷ *Тереценко В.И.* Америка, в которой я жил. Киев, 1963. С. 56; См. также: *Kennedy J.F.* A Nation of Immigrants. P. 67.
- ⁵⁸ *Стефаненко Т.Г.* Этническая идентичность и некоторые проблемы ее изучения // Этнос, идентичность, образование. М., 1998. С. 96–99, 113.
- ⁵⁹ *Окунцов И.К.* Указ. раб. С. 225.
- ⁶⁰ *Нитобург Э.Л.* Молокане в США // США. Экономика, политика, идеология. 1997. № 10. С. 83.
- ⁶¹ *Davie M.R.* Op. cit. P. 505, 508; См. также: *Chapin-Huntington W.Ch.* The Homesick Million. Russia-out-of-Russia. Boston, 1933. P. 21.
- ⁶² *Эбергардт Я.* Культурно-просветительская работа АРОВО/Тридцать лет АРОВО. 1920–1950. Юбилейный сб. Нью-Йорк, 1950. С. 55–56.
- ⁶³ Русский американец. 1985. № 18. С. 199; 1995. № 20. С. 174–180.
- ⁶⁴ *Нитобург Э.Л.* Русскоязычная пресса в США // США–Канада. Экономика, политика, культура. 2001. № 1. С. 58–74.
- ⁶⁵ *Нитобург Э.Л.* Русская православная церковь в США. С. 51–53.
- ⁶⁶ *Davie M.R.* Op. cit. P. 491.
- ⁶⁷ *Щербатский А.И.* Русская эмиграция в Соединенных Штатах // Известия Министерства иностранных дел. Кн. VI. 1914. Петроград, 1915. С. 6.
- ⁶⁸ *Davis J.* The Russians and Ruthenians... P. 50.

- ⁶⁹ *Davis J.* The Russian Immigrant. P. 177–178.
- ⁷⁰ *Арбатова З.Ю.* Без неба (в Америке). Берлин, 1926. С. 120.
- ⁷¹ *Окунцов И.К.* Указ. раб. С. 237.
- ⁷² *Simpson J.H.* Op. cit. P. 468.
- ⁷³ *Vishniack M.* Years of Emigration, 1919–1969. P. 150.
- ⁷⁴ *Wiren A.R.* The Russian Student Fund (1920–1945) // *The Russian Review.* 1950. V. 5. № 1. P. 109.
- ⁷⁵ *Новиков Н.Н.* От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1955. С. 403.
- ⁷⁶ *Башикирова Г., Васильев Г.* Путешествие в русскую Америку. М., 1990. С. 108.
- ⁷⁷ *Hardwick S.W.* Op. cit. P. 164.
- ⁷⁸ Русский американец. 1974. № 1. С. 6–7.
- ⁷⁹ *Будзилович П.Н.* Доклад на 7 съезде КРА // Русский американец. 1988. № 19. С. 18, 22.
- ⁸⁰ *Васильев Г.* Русский Вашингтон // Русская Америка (Вологда). 1993. № 1. С. 21.
- ⁸¹ *Овчиренко Е.* Быть русским – это призвание // Русская Америка. 1993. № 2–3. С. 24.
- ⁸² *Афанасьев Ю.А., Баранов В.Ю.* Одиссея генерала Яхонтова. М., 1988. С. 246, 258.
- ⁸³ Архив Общественного фонда А.И. Солженицына. Ф. 1. Д. А-12. Л. 1–14.
- ⁸⁴ *Симонова И.* Бал «Петрушка» // Независимая газета (Москва). 20 марта 1999 г. С. 16.
- ⁸⁵ *Юлина Э.* Вдохновение для потомков // Вечерний Ленинград. 9 февр. 1989 г.
- ⁸⁶ *Parry A.* Full Steam Ahead... P. 26–27.
- ⁸⁷ *Башикирова Г., Васильев Г.* Указ. раб. С. 313.
- ⁸⁸ Самосознание этническое // Народы и религии мира. С. 897–898.
- ⁸⁹ См.: *Богина Ш.А.* Указ. раб. С. 234; *Лебедева Н.М.* Указ. раб. С. 152; *Заринов И.Ю.* Указ. раб. С. 14, 83; *Семенов Ю.И.* Этнос, нация, диаспора // Этнограф. обозрение (далее – ЭО). 2000. № 2. С. 70–74.
- ⁹⁰ One America. The History, Contributions, and Present Problem of our Racial and National Minorities. N.Y., 1946. P. 123; *Fishman J.A., Nahirny V.C. et al.* Language Loyalty in the United States. L., P. 35, 38, 42–44; Bureau of the Census, 1970. Census of Population. General Social and Economic Characteristics. United States Summary. V. PC(1)-C. I. W., 1972. P. 382, 403, 479.
- ⁹¹ Statistical Abstract of the United States (далее – SA). 1971. P. 31; Ibid. 1996. P. 51.
- ⁹² *Fishman J.A., Nahirny V.C. et al.* Op. cit. P. 36–46; Национальные процессы в США. М., 1973. С. 53.
- ⁹³ *Allen J.R., Turner E.J.* We the People. An Atlas of American Ethnic Diversity. N.Y., 1988. P. 105–106; *Liebersohn S., Waters M.C.* Ethnic Mixtures in the United States // *Sociology and Social Research.* Oct. 1985. V. 70, № 1. P. 51; *Liebersohn S., Waters M.C.* From Many Strands. Ethnic and Racial Groups in Contemporary America. N.Y., 1988. P. 99, 173, 199, 200, 203.
- ⁹⁴ *Allen J.R., Turner E.J.* Op. cit. P. 106.
- ⁹⁵ Department of Commerce. Bureau of Census. Carpenter N. Immigrants and their Children, 1920. Wash., 1927. P. 112.
- ⁹⁶ *Эндрюс Д.Р.* Пять подходов к лингвистическому анализу языка русских эмигрантов в США // Славяноведение. 1997. № 2. С. 19, 27.
- ⁹⁷ *Allen J.R., Turner E.J.* Op. cit. P. 106.
- ⁹⁸ *Раков А.* Население Белорусской ССР. Минск, 1969. С. 83; New Jersey Ethnic Experience. P. 92–93; *Редлих Р.* Российское и русское национальное самосознание // Посев. 1993. № 1. С. 101.
- ⁹⁹ One America. P. 120.
- ¹⁰⁰ *Allen J.R., Turner E.J.* Op. cit. P. 106.
- ¹⁰¹ The Ethnic Experience in Pennsylvania. Lewisburg, PA, 1973. P. 216–232; Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups (далее – HEАEG). Cambridge, Mass. 1980. P. 200–210.
- ¹⁰² HEАEG. P. 893; *Allen J.R., Turner E.J.* Op. cit. P. 106.
- ¹⁰³ HEАEG. P. 893.
- ¹⁰⁴ *Allen J.R., Turner E.J.* Op. cit. P. 106.
- ¹⁰⁵ *Wood M.M.* The Russian Creoles of Alaska as Marginal Group // *Social Forces.* 1943. V. 22. № 2. P. 204–208; The Vestige of old Russia in Alaska // *The Russian Review.* 1955. V. 14. № 1. P. 55–59; *Allen J.R., Turner E.J.* Op. cit. P. 108.
- ¹⁰⁶ HEАEG. P. 245–246; *Allen J.R., Turner E.J.* Op. cit. P. 106; *Степанченко Д.* Кубанец в Калифорнии. Краснодар, 1998. С. 41, 45.
- ¹⁰⁷ *Александров Е.А.* Демография среди русских в США // Русский американец. 1997. № 21. С. 181–183.
- ¹⁰⁸ *Дятлов В.И.* Диаспора: попытка определиться в понятиях // Диаспоры. 1999. № 1. С. 14.
- ¹⁰⁹ См.: «Диаспоры» за 1999–2001 гг.; *Тишков В.А.* Исторический феномен диаспоры // ЭО. 2000. № 2. С. 43–63; *Семенов Ю.И.* Этнос, нация, диаспора // Там же. С. 64–74; и др.
- ¹¹⁰ *Chapin-Huntington W.Ch.* Op. cit. P. 1–2.
- ¹¹¹ *Magosh P.R.* Russians // HEАEG. P. 894.

The fate of Russian immigrants to the USA is the focus of this paper. Its author argues that the relatively small Russian diaspora in the USA was formed by three great immigration waves (prior to 1914, during 1918–1923 and in 1948–1950). The process of assimilation of immigrants, i.e. the process of their turning into Americans, normally takes a few generations. It is a complex multi-stage social-cultural process. The author describes these stages as adaptation of a given group to a dominant encompassing society, followed by the group's social and cultural integration and structural incorporation with subsequent inclusion of immigrants into the culture of the dominant society and, finally, their structural and cultural assimilation. Completeness of the process of ethnic assimilation involves and depends not only on the loss of previous ethnic identity by the immigrants but also on the appropriateness of the conditions of acceptance of their progeny into host society.

The author defines adaptation as the initial stage of integration which is a process of a group's social-cultural accommodation and introduction into host society. Particular forms and duration of this process are dependent on the group's mood to either follow the line of intercultural and interethnic integration and assimilation or prefer ethnocultural isolation.

© 2001 г., ЭО, № 6

И.С. Савин

**РЕАЛИЗАЦИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ
КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ
И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
В КАЗАХСТАНЕ В 1990-е ГОДЫ**

Декабрьские события 1986 г. в Алма-Ате, когда после назначения первым секретарем ЦК Компартии Казахстана кандидатуры из Москвы казахская молодежь вышла на улицы с лозунгом «Нам нужен казах!», стали водоразделом в развитии общественно-политической ситуации в республике.

Реакцией властей на обострение межнациональных и языковых отношений стали два постановления ЦК Компартии Казахстана и Совета Министров Казахской ССР от 3 марта 1987 г. за № 98 «Об улучшении изучения казахского языка в республике» и за № 99 «Об улучшении изучения русского языка в республике». Но поскольку они были рождены усилиями партийной бюрократической номенклатуры, то и реализовывались, как всегда, формально: классные часы на тему интернационализма в школах, обсуждение вопросов развития двуязычия в трудовых коллективах и т.д.

Недостатки в реализации принятых ранее решений отмечались в специальных постановлениях партии и правительства Казахстана от 15 августа 1989 г. «О дополнительных мерах по выполнению постановлений ЦК Компартии Казахстана и Совета Министров Казахской ССР от 3 марта 1987 г. № 98 "Об улучшении изучения казахского языка в республике" и "Об улучшении изучения русского языка в республике"». Несмотря на типичный для партийно-бюрократического законотворчества стиль, постановления 1989 г. отражали совершенно иной, нежели в 1987 г., этап развития общественно-политической ситуации в республике. Так, они предусматривали в течение 1989–1991 гг. при проведении общественно-политических и культурно-массовых мероприятий переход к синхронному переводу с казахского языка на русский и наоборот.

В то же время, предложенное 19 сентября 1989 г. группой депутатов Верховного Совета Казахской ССР в порядке законодательной инициативы заявление, в котором предлагалось установить в качестве государственных языков казахский и русский,